

Лилия Александровна Колмогорова

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия, kolmogorova.liliya@list.ru

Виктория Евгеньевна Троц

Независимый исследователь, г. Барнаул, Россия, zemamm@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗЕ

Аннотация. В статье описаны результаты эмпирического исследования компонентов личностного потенциала юношей и девушек, обучающихся в вузе. Выявлено, что у девушек выше уровень личностного потенциала по показателям результирующих переменных, отражающих ресурсы устойчивости (итоговый диспозиционный оптимизм), а также характеристикам фиксированных способов реагирования, закрепившихся в индивидуальном опыте (оценивание результатов саморегуляции поведения). У юношей отмечаются более высокие показатели по устойчивым индивидуальным характеристикам саморегуляции (рефлексивность и уровень субъективного контроля).

Ключевые слова: личностный потенциал; диспозиционный оптимизм; жизнестойкость; личностная автономия; самоэффективность; копинг-стратегии; толерантность к неопределенности; контроль за действием; рефлексивность; субъективная витальность.

Liliya A. Kolmogorova

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, kolmogorova.liliya@list.ru

Victoriya Ye. Trots

Independent Researcher, Barnaul, Russia, zemamm@mail.ru

FEATURES OF THE PERSONAL POTENTIAL OF UNIVERSITY STUDENTS: GENDER DIFFERENCES

Abstract. This article presents the results of an empirical study examining the components of personal potential among male and female university students. The findings indicate that young women exhibit higher levels of personal potential in outcome variables reflecting resilience resources (specifically dispositional optimism), as well as in indicators related to fixed response patterns formed through individual experience (evaluation of behavioral self-regulation outcomes). In contrast, young men scored higher on stable individual characteristics of self-regulation, such as reflexivity and the level of subjective control.

Keywords: personal potential; dispositional optimism; hardiness; personal autonomy; self-efficacy; coping strategies; tolerance for uncertainty; action control; reflexivity; subjective vitality.

В современном мире, в котором постоянно нарастает неопределенность и все процессы ускоряются, лучшей стратегией для комфортного существования является опора на себя. Способность гибко регулировать свою активность, эффективно использовать имеющиеся ресурсы, быстро адаптироваться к новым условиям – одни из самых важных психологических характеристик, которые необходимы человеку. Все эти характеристики и качества можно рассматривать через такое понятие, как личностный потенциал.

В процессе обучения в высшем учебном заведении происходит становление студентов как в профессиональном плане, так и в плане их личностного развития, включая личностный потенциал. Это позволяет студентам приобрести конкурентоспособные качества и навыки для успешной самореализации в будущем, сохранить и укрепить психологическое благополучие и повысить свою академическую успеваемость в настоящем.

Понятие «личностный потенциал» было введено в научный оборот Д. А. Леонтьевым в связи с разработкой концепции личностного потенциала. Работа над данной концепцией началась в начале 2000-х годов. В 2011 году вышла монография «Личностный потенциал: структура и диагностика», в которой личностный потенциал был определен как «интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей личности, лежащая в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий. Это способность личности проявлять себя в качестве личности, выступать автономным саморегулируемым субъектом активности, оказывающим целенаправленные изменения во внешнем мире и сочетающим устойчивость к воздействию внешних обстоятельств и гибкое реагирование на изменения внешней и внутренней ситуации» [1, с. 8].

Личностный потенциал как стержень личности есть то в ней, благодаря чему она способна функционировать «надситуативно» или «неадаптивно», не следуя исключительно внутренним импульсам или давлению внешней среды, а прокладывая свой не прямой путь в изменчивом мире, руководствуясь своими целями и смыслами. Согласно простому рабочему определению Д. А. Леонтьева, личность – «это то, что человек может противопоставить внутренним импульсам и внешнему давлению» [2, с. 69].

И. И. Белякова [3] разработала концепцию, связывающую понятие личностного потенциала с успешностью самореализации в учебной деятельности. По мнению данного исследователя, успешность в учебе зависит от развития определенных личностных качеств (волевые качества, рефлексия, осознание своих целей и возможностей, освоение навыков самопознания и саморегуляции). Обязательной предпосылкой формирования личностного потенциала, согласно И. И. Беляковой, является принятие себя и личностное самоопределение. Т. В. Черняновская, Ю. В. Шептицкая и Е. В. Костенко [4] также рассматривали личностный потенциал у студентов, но через степень адаптивности, которая зависит от некоторых личностных характеристик. К таким характеристикам исследователи отнесли уровень самооценки (самопринятия), особенности эмоциональной сферы и поведения, а также способность к эмпатии. Н. Н. Решетникова рассматривает феномен личностного потенциала в аспекте профессионального самоопределения и приходит к следующим выводам: «личностный потенциал выступает как система свойств и возможностей, составляющих основу личностного и профессионального развития человека, возможных достижений в профессиональной подготовке, в последующей деятельности и в развитии личности» [5, с. 120]. Общим для всех вышеперечисленных подходов является операциональное определение личностного потенциала через успешность в самореализации, и сведение данного понятия к набору способностей и навыков, способствующих осуществлению какой-либо деятельности. В самом понятии «потенциал» делается акцент на нераскрытые способности, которые подлежат выявлению и включению в деятельность с целью более полной самореализации субъекта в ней. В некоторых подходах исследователи включают в личностный потенциал личностные особенности, неспецифичные для конкретной деятельности, однако их роль вторична. Подобный способ определения личностного потенциала может оказаться практически

полезным, однако смысл понятия «личностный потенциал» оказывается здесь суженным до предпосылок успешности определенной деятельности.

В концепции личностного потенциала Д. А. Леонтьева под потенциалом понимается «потенциальная энергия», то есть сама способность выполнять работу. Данное понимание потенциала кардинально отличается от других концепций. Перефразировать это можно следующим образом: «личностный потенциал» – это «способность выполнять работу личности» [6, с. 13]. При этом под «работой личности» подразумевается саморегуляция. Понятие саморегуляции в концепции личностного потенциала рассматривается не в узком смысле, как конкретный психологический процесс управления собственными психологическими состояниями, а в широком – как общенаучный объяснительный принцип, имеющий статус функциональной парадигмы. Согласно данной парадигме, индивид находится в непрерывном потоке динамичных отношений с миром, они первичны по отношению к любым устойчивым структурам, которые возникают на их основе, обретают устойчивость и обуславливают последующие изменения психики и личности. Личностный потенциал – это потенциал саморегуляции, те личностные особенности, благодаря которым мы можем успешно осуществлять функции саморегуляции. Хорошая саморегуляция позволяет системе непрерывно совершенствоваться до истощения ресурсов и невозможности их возобновления (старость, смерть). При плохой саморегуляции система действует себе во вред, и даже при достаточных ресурсах она разрушает себя, ресурсы не помогают [1].

Следующий психологический феномен личностного потенциала – это личностный потенциал как энергетическая характеристика личности. Личностный потенциал – это структура, которая управляет переключениями энергии в широком смысле слова. Саморегуляция сопряжена с энергозатратами. Если перед человеком ставят задачу на саморегуляцию, то у него после этого снижаются возможности выполнять другие задачи [6]. И личностный потенциал предстает как потенциал саморегуляции системы индивидуальных различий, связанных с успешностью управления энергетикой. Это персональная система динамической устойчивости и управления изменениями. Таким образом, личностный потенциал – это способность выполнять работу саморегуляции, выступать как переключатель управления личной энергетикой, передаточный механизм от мотивации к действию, механизм, позволяющий нам

считаться с реальностью, но не подчиняться ей. Это личная система управления изменениями, «навигатор в мире неопределенности и возможностей».

По мнению Д. А. Леонтьева, нельзя поставить знак равенства между понятиями «личностный потенциал» и «ресурсы», так как понятие «личностный потенциал» подразумевает не сам «капитал», а скорее «инвестора», который управляет ресурсами. Таким образом, личностный потенциал рассматривается как метаресурс, способность управлять другими ресурсами, «инвестиционные» способности и стратегии. Более того, личностный потенциал – это система управления своими психологическими ресурсами в собственных интересах. Человек как носитель личностного потенциала распоряжается собой как носителем ресурсов или как элементом человеческого капитала. При развитом личностном потенциале ресурсы субъекта становятся его «приватизированными» ресурсами. При низком личностном потенциале его ресурсы пропадают или используются другими в своих интересах [7].

Таким образом, в концепции личностного потенциала Д. А. Леонтьева под личностным потенциалом понимается потенциал саморегуляции, а также его энергетическая характеристика (т. е. сама способность выполнять функцию саморегуляции). К тому же личностный потенциал выступает еще и как метаресурс, способный управлять другими психологическими ресурсами.

Д. А. Леонтьев и его исследовательская группа выделили девять **составляющих личностного потенциала**: оптимизм, жизнестойкость, личностная автономия, самоэффективность, копинг-стратегии, толерантность к неопределенности, контроль за действием, рефлексивность и субъективная витальность [1].

Оптимизм рассматривается как важная личностная характеристика, влияющая на умение целенаправленно действовать во внешнем мире и противостоять воздействию трудных жизненных обстоятельств. Жизнестойкость является ядром личностного потенциала, позволяющим человеку оставаться активным, препятствуя негативным последствиям стресса. Личностная автономия выступает в качестве основы личностного потенциала, его стержня. Самоэффективность – ресурс устойчивости, поскольку от представлений людей о своих способностях быть успешными зависит то, как они реагируют на успехи и неудачи, с которыми они впоследствии встречаются. Копинг-стратегии в структуре личностного потенциала рассматриваются как своеобразный посредник, через который

глубинные психологические конструкты обеспечивают саморегуляцию поведения. Толерантность к неопределенности является личностной характеристикой саморегуляции, связанной с возможностью выбора, как генератором неопределенности. Контроль за действием выступает как совокупность процессов, опосредующих реализацию намерений и достижения целей. Рефлексивность в структуре личностного потенциала связана с потенциалом самоопределения. Субъективная витальность является индикатором, отражающим физическое и психологическое благополучие человека.

Составляющие личностного потенциала были раскрыты в работах Д. А. Леонтьева, Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой, И. А. Васильева, С. В. Касьяновой, Т. В. Корниловой, Н. Н. Решетниковой, С. А. Шапкина, А. Ж. Авериной, Л. А. Александровой, А. В. Щербакова и др. [1; 8; 9; 10; 11].

Изучением личностного потенциала в юношеском возрасте занимались Д. А. Леонтьев, Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин, Н. А. Замяткина, В. М. Климов, И. А. Галай, Р. И. Айзман, С. А. Богомаз, В. В. Мацута, И. И. Белякова, П. Ю. Ежов, О. В. Новикова, В. В. Егоров, К. Б. Рогачева и другие исследователи [1; 3; 8; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

Таким образом, несмотря на достаточно детальное исследование и описание отдельных составляющих личностного потенциала, в том числе в юношеском возрасте, недостаточно раскрыты и конкретизированы его особенности и различия у юношей и девушек. Представляется актуальным выявление характеристик личностного потенциала юношей и девушек для образовательной практики, направленной на подготовку к эффективному решению жизненных и профессиональных задач.

Цель статьи: выявить особенности личностного потенциала юношей и девушек, обучающихся в вузе.

Гипотеза: мы предположили, что содержательные характеристики компонентов личностного потенциала у юношей и девушек могут различаться.

Настоящее исследование было проведено в 2023–2024 гг. В исследовании приняли участие 100 студентов, в возрасте 18–23 лет ($M = 19,55$, $SD = 1,09$), из них 25 юношей и 25 девушек, обучающихся в Алтайском государственном педагогическом университете, и 25 юношей и 25 девушек, обучающихся в Алтайском государственном университете.

В нашем исследовании мы опирались на методологические и методические принципы эмпирического изучения и диагностики личностного потенциала, выделенные Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиним. Для решения поставленных задач в исследовании были использованы девять мето-

дик, оценивающих уровень личностного потенциала студентов, а именно:

- методики, оценивающие **ресурсы устойчивости** и прямо служащие мерой психологического благополучия/неблагополучия: «Тест смысложизненных ориентаций» Дж. Крамбо и Л. Махолик, в адаптации Д. А. Леонтьева; «Тест диспозиционного оптимизма» Ч. Карвера, М. Шейера, в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, Е. Н. Осина; «Шкала общей самооффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема, в адаптации В. Г. Ромека;

- методики, диагностирующие переменные личностного потенциала, которые являются **устойчивыми индивидуальными характеристиками саморегуляции**: «Тест жизнестойкости» С. Мадди, в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой; «Дифференциальный тип рефлексии» Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина; «Шкала толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна, в адаптации Е. Н. Осина; «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинды;

- методики, посвященные инструментальным ресурсам, к которым относятся **характеристики фиксированных способов реагирования, закрепившиеся в индивидуальном опыте**:

«Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой; «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, С. Фолкмана, в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой.

В исследовании использовались методы статистической обработки данных – параметрические методы сравнения 2 групп (t-критерий Стьюдента для независимых выборок) и непараметрические методы сравнения 2 групп (U-критерий Манна – Уитни).

Результаты диагностики жизнестойкости как устойчивой индивидуальной характеристики личностного потенциала представлены на рис. 1. Данные сравнительного анализа не показали достоверных различий между юношами и девушками по этому показателю. Это может быть связано с тем, что студенты любого пола максимально открыты к получению нового опыта, они готовы погружаться в учебные процессы, бороться и отстаивать собственные интересы, получать удовольствие от своей деятельности. В силу недостатка личного опыта, особенно негативного, человек воспринимает стрессовую ситуацию как менее травматичную, следовательно, он готов активно действовать и уверен в своих возможностях повлиять на ситуацию.

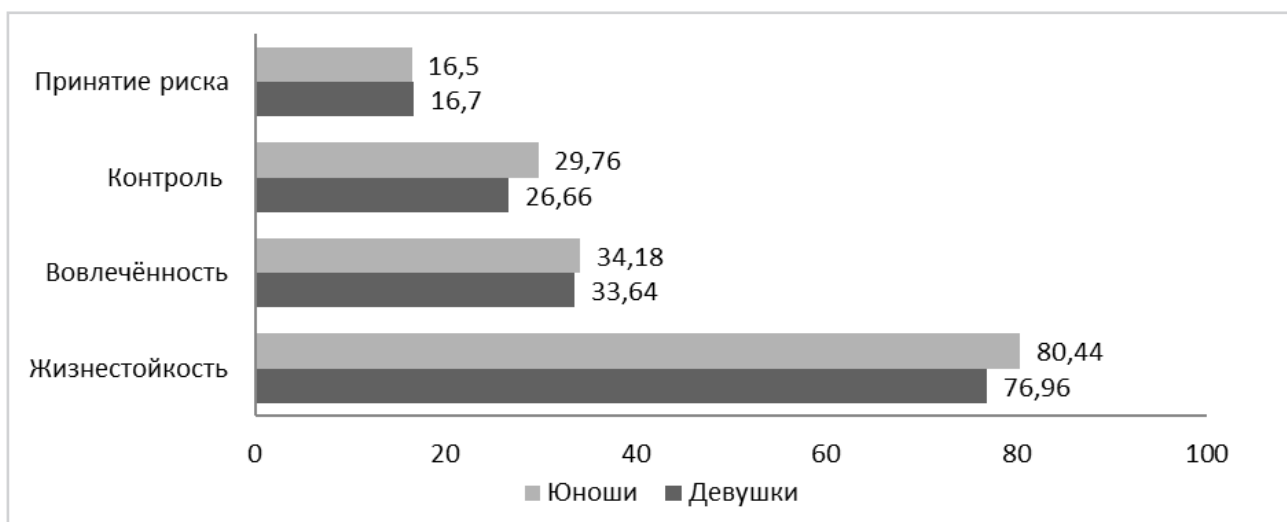

Рис. 1. Сравнение средних значений по жизнестойкости у юношей и девушек

Результаты диагностики по методике «Дифференциальный тип рефлексии» Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина представлены на рис. 2. Исследуя рефлексивность, мы выявили, что по параметрам системной рефлексии и квазирефлексии достоверные различия между девушками и юношами отсутствуют. Средние значения по этим шкалам соответствуют норме, что свидетельствует об умении студентов любого пола самодистанциро-

ваться, смотреть на себя со стороны и одновременно удерживать во внимании полюсы субъекта и объекта, не уходя в посторонние размышления.

По шкале интроспекция, используя t-критерий Стьюдента, мы установили, что у девушек показатели достоверно выше, чем у юношей ($t_{эмп} = 2,126$ при $p = 0,036$). Девушки более склонны погружаться в свой внутренний мир и свои переживания, заниматься «самокопанием».

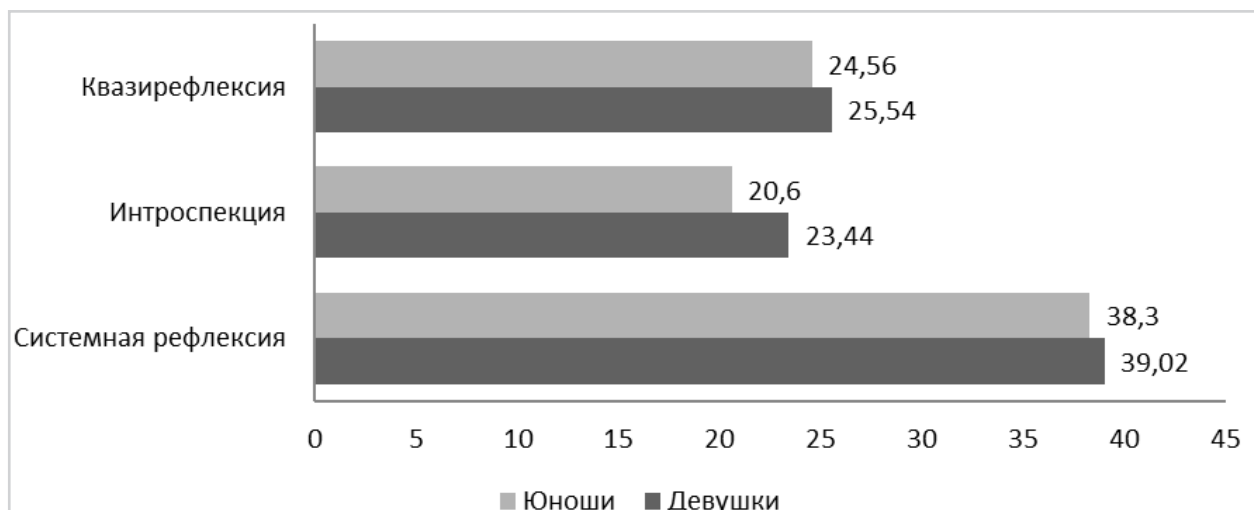

Рис. 2. Сравнение средних значений по типам рефлексии у юношей и девушек

Результаты диагностики по методике «Смысло-жизненные ориентации» Дж. Крамбо и Л. Махолик, в адаптации Д. А. Леонтьева, представлены на рис. 3. Сравнительный анализ не показал достоверных половых различий, несмотря на то, что сама методика включает нормативные значения, различные по полу. Предполагается, что у мужчин общий показатель осмысленности жизни и все пять субшкал, отражающих отдельные смысложизненные ориентации, в средних

результатах по тестовым нормам должны быть выше, чем у женщин. В нашем исследовании прослеживается противоположная тенденция, у девушек показатели выше. К примеру, по шкале «Процесс жизни» среди юношей 44 % респондентов имеют баллы ниже нормы, а у девушек данный показатель ниже нормы только у 18 %. Что свидетельствует о том, что 44 % студентов мужского пола не удовлетворены своей жизнью в настоящем.

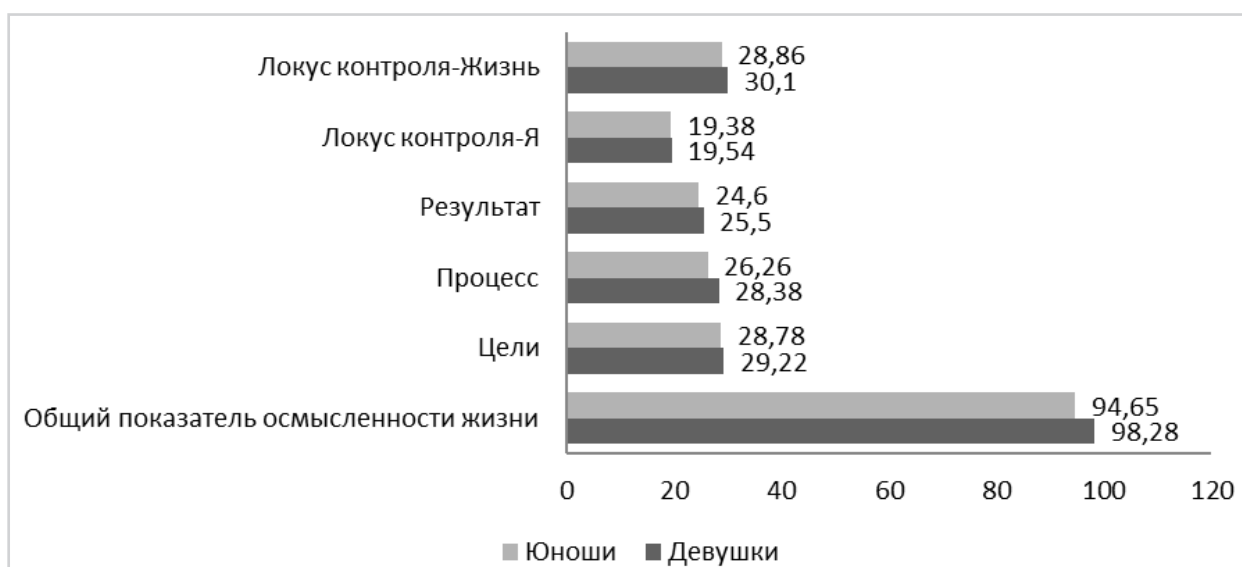

Рис. 3. Сравнение средних значений по осмысленности жизни и смысложизненным ориентациям у юношей и девушек

Результаты исследования стиля саморегуляции поведения по методике В. И. Моросановой представлены на рис. 4. Используя U-критерий Манна – Уитни, мы установили, что у девушек

высокие баллы по шкале «оценивание результатов» встречаются достоверно чаще, чем у юношей ($U_{\text{эмп}} = 963,5$ при $p = 0,043$). Эти данные свидетельствуют о том, что девушки демонстрируют более

высокий уровень адекватной самооценки и оценки результатов своей деятельности и поведения. У девушек в юношеском возрасте лучше сформированы и более устойчивы субъективные крите-

рии оценки результатов, что позволяет им более адекватно оценивать как сам факт рассогласования полученных результатов с целью деятельности, так и приведшие к нему причины.

Рис. 4. Сравнение средних значений по саморегуляции у юношей и девушек

По остальным шкалам методики «Стиль саморегуляции поведения» достоверных различий не было выявлено. Также не были выявлены достоверные различия по методикам «Шкала толе-

рантности к неопределённости» Д. МакЛейна, в адаптации Е. Н. Осина (рис. 5) и «Шкала общей самоэффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема, в адаптации В. Г. Ромека (рис. 6).

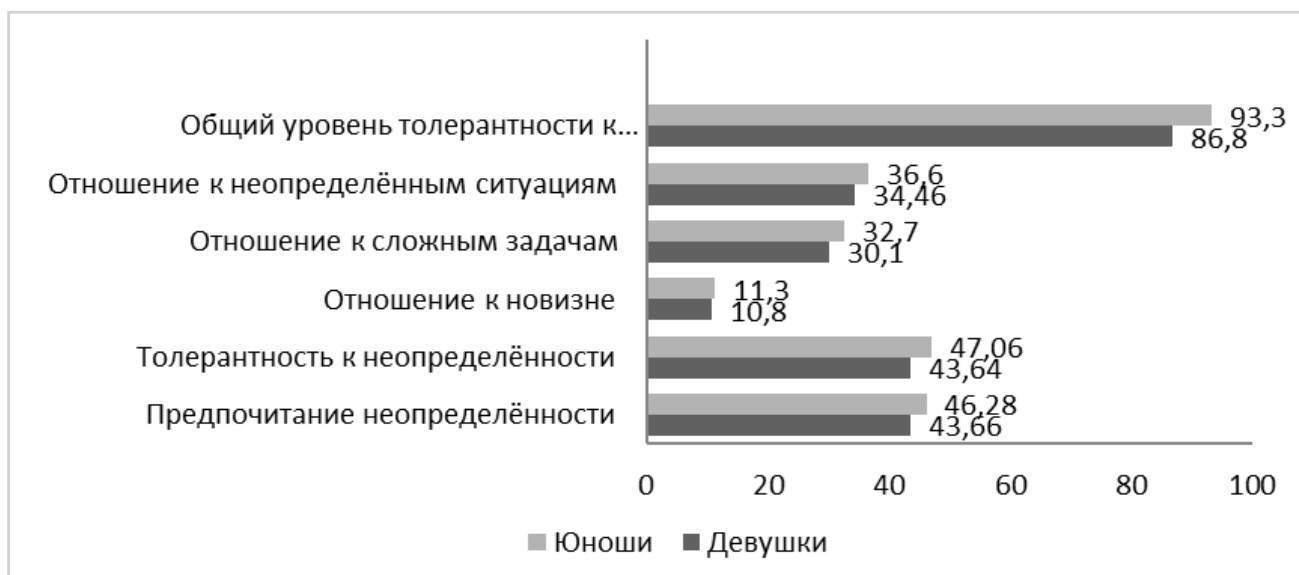

Рис. 5. Сравнение средних значений по толерантности к неопределённости у юношей и девушек

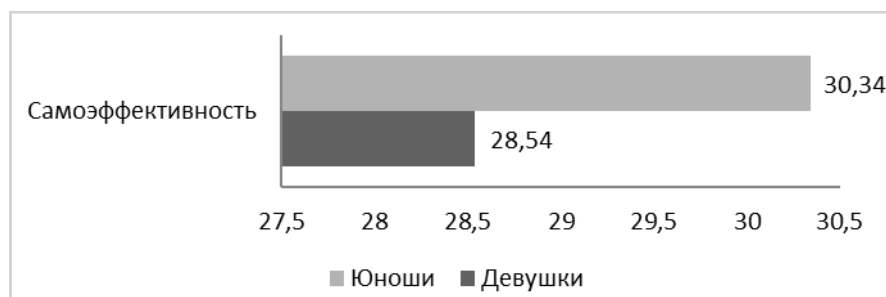

Рис. 6. Сравнение средних значений по самооэффективности у юношей и девушек

Результаты диагностики по методике «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной и А. М. Эткинда представлены на рис. 7. Используя U-критерий Манна – Уитни, мы установили, что у юношей высокие баллы по шкале интернальности в области неудач встречаются достоверно чаще, чем у девушек ($U_{\text{эмп}} = 923$ при $p = 0,023$). У юношей более развито чувство субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, что проявляется в склонности обвинять самого себя в разнообразных неприятностях и страданиях. Для

девушек, напротив, более характерно приписывать ответственность за происходящие с ними неудачи негативным обстоятельствам или другим людям.

Также нами было установлено, что у юношей более высокие баллы по шкале интернальности в семейных отношениях ($U_{\text{эмп}} = 956$ при $p = 0,040$). Девушки считают причиной значимых ситуаций, возникающих в своей семье, своих партнеров или сложившиеся обстоятельства. Юноши, напротив, чаще считают себя ответственными за то, что происходит в их семейной жизни.

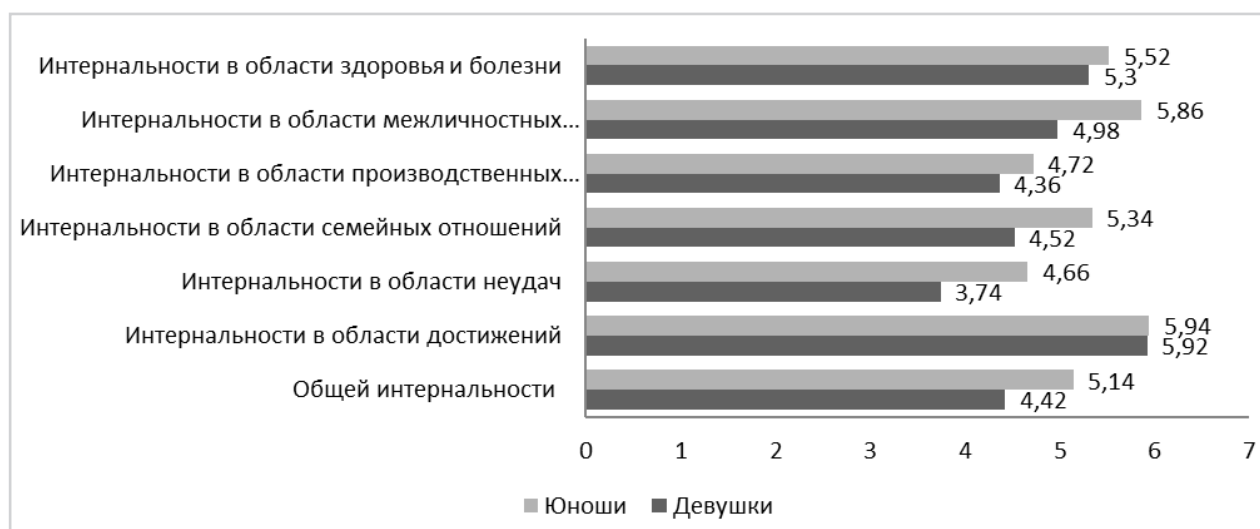

Рис. 7. Сравнение средних значений по уровню субъективного контроля у юношей и девушек

Рассмотрим результаты диагностики по методике «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман, в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык и М. С. Замышляевой (рис. 8). Сравнительный анализ не показал здесь достоверных различий по половому признаку. Анализируя уровень средних значений по предпочтительности использования копинг-стратегий, было выявлено, что все респонденты используют представленные в опроснике стратегии примерно в равной степени, умеренно.

Результаты диагностики составляющей личностного потенциала «Диспозиционный оптимизм» по методике Ч. Карвера и М. Шейера (адаптация Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева и Е. Н. Осина) представлены на рис. 9. Используя U-критерий Манна – Уитни, мы установили, что у девушек высокие баллы по шкале «Итоговый диспозиционный оптимизм» встречаются достоверно чаще, чем у юношей ($U_{\text{эмп}} = 920$ при $p = 0,023$). Девушкам более характерно испытывать позитивные ожидания относительно будущего.

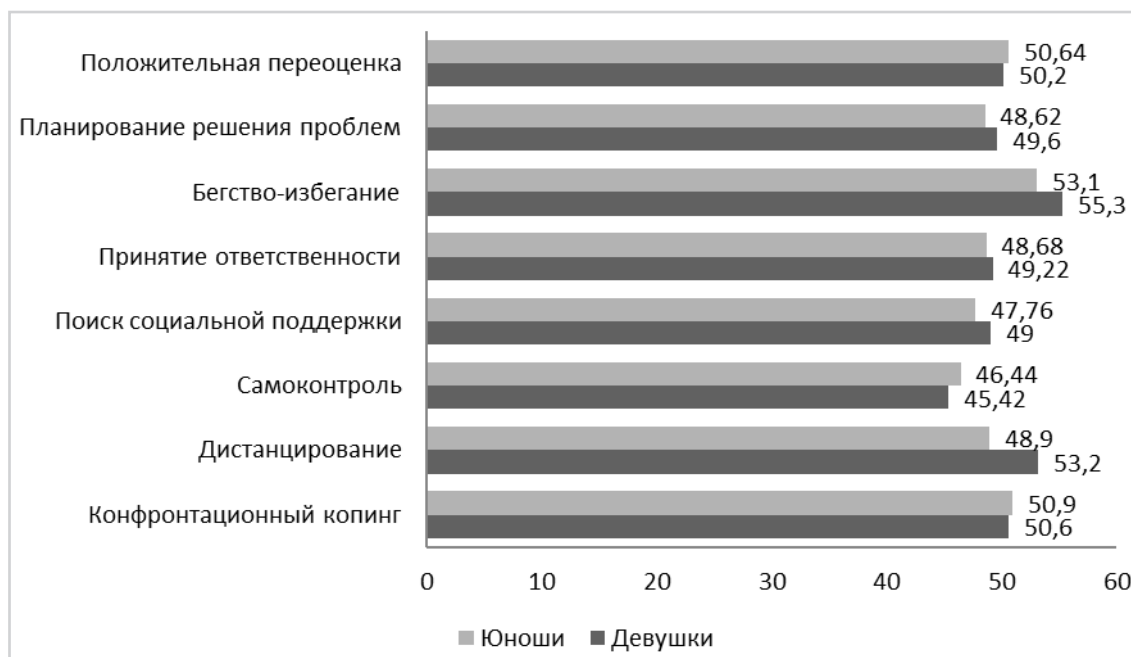

Рис. 8. Сравнение средних значений по копинг-стратегиям у юношей и девушек

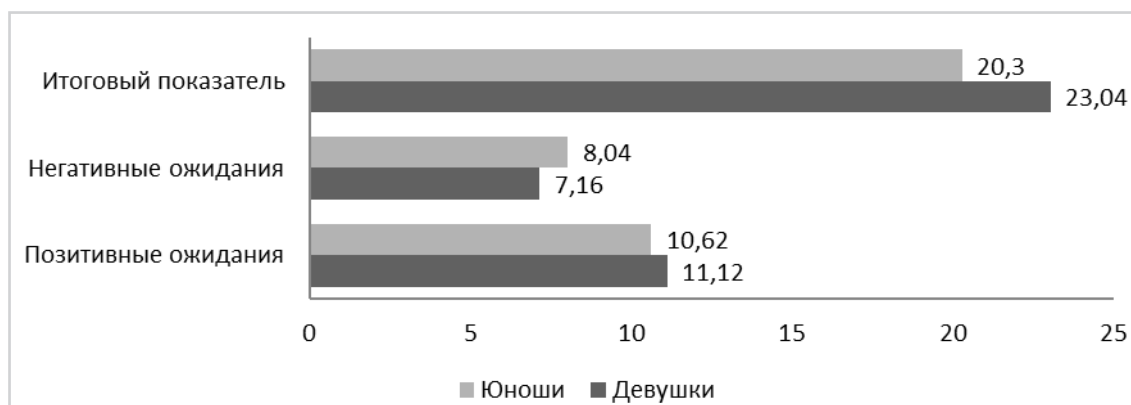

Рис. 9. Сравнение средних значений по диспозиционному оптимизму у юношей и девушек

Понятие «личностный потенциал» было введено в научный оборот для обозначения системы психологических характеристик, значимых для успешного решения жизненных задач. Психологический феномен личностного потенциала заключается в объединении трех составляющих, по-разному отражающих сущность личностного потенциала. Во-первых, личностный потенциал понимается как потенциал саморегуляции, то есть те личностные особенности, благодаря которым осуществляется работа личности. Во-вторых, личностный потенциал выступает как энергетическая характеристика личности, то есть сама способность выполнять саморегуляцию. В-третьих, личностный потенциал выступает как «метаресурс», то есть как системная организация психо-

логических ресурсов личности, от которой определяющим образом зависит, будет ли сам субъект бенефициаром собственных ресурсов. Таким образом, понятие «личностный потенциал» является многогранным собирательным конструктом, отражающим не только саморегуляцию, но и саму возможность и ресурсообеспеченность этой саморегуляции.

По результатам эмпирического исследования было выявлено, что личностный потенциал, связанный с ресурсами устойчивости, выше у девушек по диспозиционному оптимизму. По параметрам устойчивых индивидуальных характеристик, прямо влияющих на функции саморегуляции, личностный потенциал выше у юношей по рефлексивности и уровню субъективного кон-

троля. По характеристикам фиксированных способов реагирования, закрепившихся в индивидуальном опыте, уровень личностного потенциала выше у девушек по параметру «Оценивание результатов».

Таким образом, допущение гипотезы о различиях в личностном потенциале у юношей и девушек достоверно подтверждается. У юношей лучше сформированы устойчивые индивидуальные характеристики саморегуляции (рефлексивность и уровень субъективного контроля), а у девушек выше уровень субъективного благополучия и лучше сформированы характеристики фиксированных способов реагирования, закрепившиеся в индивидуальном опыте. Из чего следует, что развивать личностный потенциал у юношей и девушек необходимо по-разному. Так как у юношей лучше сформированы фундаментальные характеристики личностного потенциала, более приоритетной задачей для развития личностного потенциала у юношей выступает развитие инструментальных навыков, способствующих успешной саморегуляции. При развитии этих навыков у юношей будет улучшаться результативность деятельности, что будет способствовать повышению компонента, связанного с психологическим благополучием.

У девушек в этом возрасте ситуация иная. У них ниже уровень личностного потенциала, связанный с фундаментальными характеристиками саморегуляции, и при этом они чувствуют себя более благополучно. Это может способствовать угасанию личностного потенциала, снижению амбиций и еще большему снижению конкурентоспособных навыков. Чтобы этого избежать,

девушкам необходимо делать упор на развитие устойчивых индивидуальных характеристик личностного потенциала, связанных непосредственно с функциями саморегуляции.

На основе анализа теоретических и эмпирических данных нами разработана психолого-педагогическая программа по развитию личностного потенциала в юношеском возрасте – «Мой личностный потенциал». Целью программы является развитие личностного потенциала у студентов в юношеском возрасте. Средняя продолжительность программы составляет 3 месяца. Программа включает личностный тренинг, состоящий из 10 занятий. Предполагается, что после прохождения данной программы юноши и девушки смогут: рационально корректировать свою активность на пути от менее к более благоприятному результату; более эффективно использовать личностные ресурсы; эффективно справляться со стрессовой ситуацией, не снижая успешность учебной деятельности; видеть альтернативные возможности и более взвешенно принимать решения; устанавливать конструктивные отношения с окружающими при одновременном учете индивидуальных ценностей и потребностей личности.

В качестве перспектив исследования может выступить выявление различий по компонентам личностного потенциала в связи с психологическими факторами и индивидуально-психологическими особенностями студентов. Например, представляет интерес рассмотрение личностного потенциала у студентов с проблемами психического здоровья, психологического благополучия, разными уровнями психологической зрелости и т. п.

Список источников

1. Личностный потенциал: структура и диагностика / [под ред. Д. А. Леонтьева]. М., 2011. 680 с.
2. Леонтьев Д. А. Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67–80.
3. Белякова И. И. Факторы, препятствующие реализации личностного потенциала студента и его успешной интеграции в процессе обучения в вузе // Потенциал личности: комплексная проблема: материалы второй Всероссийской Internet-конференции, г. Тамбов, 9 октября 2003 года. Тамбов, 2003. 390 с.
4. Черняновская Т. В., Шептицкая Ю. В., Костенко Е. В. Личностные особенности, способствующие социально-психологической адаптации студентов к вузу // Потенциал личности: комплексная проблема: материалы третьей Всероссийской Internet-конференции, г. Тамбов, 15–17 июня 2004 года. Тамбов, 2004. 284 с.
5. Решетникова Н. Н. Феномен личностного потенциала в аспекте профессионального самоопределения // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 6. С. 114–121.
6. Леонтьев Д. А. Три мишени: личностный потенциал – зачем, что и как? // Образовательная политика. 2019. № 3 (79). С. 10–16.
7. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал: оптика психологии // Образовательная политика. 2023. № 2 (94). С. 20–31.
8. Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Позитивное мышление как фактор учебных достижений // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 24–33.

9. Касьянова С. В. Личностный потенциал как научная категория // Человек и общество: история и современность : сборник научных трудов. Воронеж, 2024. С. 111–116.
10. Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2010. № 1. С. 46–57.
11. Васильева Е. Н., Щербаков А. В. Гендерная специфика личностного компонента в структуре карьерного потенциала на начальном этапе обучения в вузе // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 1. С. 26–35.
12. Замяткина Н. А. Личностный потенциал студентов: сущность и подходы к трактовке // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 6–1. С. 107–117.
13. Климов В. М., Галай И. А., Айзман Р. И. Личностный потенциал студентов как фактор профессионального успеха // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 53–59.
14. Галай И. А., Айзман Р. И. Гендерные особенности личностного потенциала студентов первого курса педагогического вуза // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 1. С. 95–105.
15. Богомаз С. А., Мацута В. В. Оценка личностного потенциала и выявление основных типов ориентации на профессиональную деятельность у студентов // Психология обучения. 2010. № 12. С. 77–88.
16. Ежов П. Ю., Новикова О. В. Образовательное событие как средство изменения личностного потенциала студентов педагогического вуза // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2023. № 4 (57). С. 17–23.
17. Рогачева К. Б. Личностный потенциал студентов как фактор преодоления сложных жизненных ситуаций // Научный вестник Гуманитарно-социального института. 2024. № 18. С. 14.

Статья поступила в редакцию 13.09.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 20.10.2025.

The article was submitted 13.09.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 20.10.2025.